

Сухое пение, записанное буквами

Однажды я дал определение поэзии как «Сухое пение, записанное буквами» и благополучно забыл, почему так. Но каждый раз, натыкаясь на эту фразу, я подсознательно с нею снова соглашаюсь. В основе поэзии лежит звук. Да, я даже не одну лекцию по визуальной поэзии прочитал как художник по основному образованию, но сердцем вторю словам Вольфганга Амадея Моцарта: «Поэзия – младшая сестра музыки».

Сам я пою плохо. «Пел не музыкально. Скандалил...» Прекрасно понимаю, что текст песни не обязательно может считаться стихотворением. Как и то, что не всякое хорошее стихотворение можно спеть. Можно, но не нужно. У каждого жанра свои законы: порой звуковое сложение текста принимает музыку, а порой музыка ведёт себя при соприкосновении со словом враждебно. Но стихи по самой своей задумке должны звучать. И графическое построение стихотворения на листе бумаги или на экране монитора – только указания по системе пауз при озвучке.

Вот, второе определение, которое я бы дал сегодня поэзии – «Система пауз». Я в работе на семинаре вижу, как участники, распробовав графику, мечтают ввести в свои стихи указания темпа чтения, дробление слов на слоги, смещение ударений. То, что для моего поколения было в «звуковой волне», которая задавалась размером, для новых поколений не работает, многие просят дополнительных знаков, как маленькие дети не могут автоматически читать непроставленные буквы «Ё». Всё меньшее количество информации держится в уме, всё больше указаний выводятся в дизайн мира.

Мой учитель Андрей Санников рассматривает стихотворение как молитву, а чтение чужих стихов как молитву за их автора. Но всегда ли за автора? Гораздо чаще читатель читает про самого себя, сам является Александром Сергеевичем Пушкиным или Шарлем Бодлером. Потому я вижу стихотворение как род песни, пограничную полосу между рассказом и музыкой. Песня ценна, когда её поёт не автор, когда её поют сами. Присваивают себе. И потому считаю, что исчерпание ритмического и смыслового разнообразия поэзии не грозит. И в каждом поколении будут появляться новаторы, вызывающие возмущение. И в каждом поколении будет возникать новая литературная классика. И роль каждого поэта – не продвижение своих стихов, а продвижение всех стихов, которые дороги его сердцу, слуху, душе. Пение всех нужных ему песен.

Я не умею петь музыкально. Я пою литературно. С радостью читаю чужие стихи публично. Получаю свою дозу «облучения поэзией» настолько регулярно, что моё мышление давно и прочно «мутировало» к образованию «органа для шестого чувства»: надеванию чужих стихов как чужих ощущений, позиций, судеб. И это стало для меня наслаждением в ряду хоровой песни за накрытым столом, хождению под парусами и верховой езде. На все разговоры о вырождении поэзии отвечаю улыбкой.

Да, поэзия – дело элитарное. И каждый, кто слышит и слушает стихи, причисляет себя к элите. Аристократии духа. Гордыня? Нет, гордость за свой язык, свою культуру, собственную историю. «Я имел честь жить эту жизнь и писать эти стихи», – написано на могиле русского поэта Александра Петрушкина. Поём. Пишем. Помним.

Примечание:

Сергей Ивкин – поэт, художник, библиотекарь. Автор 13 книг стихотворений. Постоянный автор журнала. Живёт в Екатеринбурге.